

НАИМЕНОВАНИЯ, КЛАССИФИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЗНАХАРЯ В КАРЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ

Т. В. ПАШКОВА,

кандидат филологических наук, доцент кафедры прибалтийско-финской филологии ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

(г. Петрозаводск, РФ)

Развитие знахарства среди карел не раз становилось объектом исследования этнографов. К данной проблематике в своих научных трудах обращались такие ученые, как Ю. Ю. Сурхаско, О. М. Фишман, Р. Ф. Никольская и др. В настоящей статье мы впервые делаем попытку представить в сравнении имеющиеся в наречиях карельского языка наименования знахарей/колдунов и определить их происхождение, а также, опираясь на уже опубликованные данные и собранный автором полевой материал, дифференцировать виды знахарей и обозначить их социальный портрет.

Карелы были обращены в христианство в XII–XIII вв., тем не менее в карельских деревнях вплоть до настоящего времени сохраняются дохристианские/языческие обряды, касающиеся лечения заболеваний. Раньше почти каждому деревенскому жителю были известны те или иные народные средства лечения (фитотерапия, средства животного происхождения и др.). Кроме того, в каждом поселении были люди, которых односельчане наделяли сверхъестественными умениями. Разнообразные недуги и высокая смертность, особенно детская, служили почвой для сохранения суеверных представлений об опасностях, грозящих человеку со стороны злых духов, людей-завистников, недоброжелателей, колдунов, и о «знающих» людях, умеющих с этим бороться. Второй фактор, влияющий на продолжительное сохранение веры в знахарей, – это малодоступность профессиональной медицинской помощи и недоверие к врачам.

Деревенские жители считали, что во всех их несчастьях и недугах им помогут «знающие». Карельская лексика достаточно разнообразна относительно понятия «знахарь/колдун». Повсеместно на всей территории проживания карел использовался термин *tietäjä*, *tiedäjä* (ск., твр, тхв) / *tiedäi* (ливв., люд.) (букв.: знающий), являющийся формой первого активного причастия от глагола *tietyä* (ск.) / *tiediä* (ливв., люд.) ‘знать’. Также в собственно-карельском, ливвиковском и людиковских наречиях было распространено наименование *tiedonikka* (ск.) / *tiedoinikka*, *tiedoinieku* (ливв.) / *tiedoinik* (люд.), образованное от вышеупомянутого глагола с присоединением суффикса **-niekka/-niekk(u)** со значением рода занятий, профессии, специальности, положения [2, 103].

В значении «знахарь/колдун» карелы-ливвики употребляли и наименование *oppii* [9, 244] (форма первого активного причастия от глагола *oppie* ‘пробовать, пытаться, заговаривать, ворожить’).

Комплекс значений с карельскими терминами *tietäjä* и *oppii* свидетельствует о том, что собственно-карелы и ливвиковские карелы не делали существенно различия между знахарями и колдунами. Такие же представления зафиксированы у вепсов, близкородственного карелам народа, проживающего с ними на одной территории (ср. вепс. *tedai*, *ködu*, *noid* ‘колдун, знахарь’) [1, 57].

Необходимо отметить, что в сугубо отрицательном значении бытовал термин *jeretniekka* (ск.) / *jeretnieku* (ливв.) ‘за-

© Пашкова Т. В., 2016

клинатель / колдун' [ПМА], [15, 491], заимствованный из русского языка. **Eретик* в говорах русского языка употребляется и как ругательство в значении 'черт, дьявол' [12, 24] (ср. у коми *еретник*). По мнению известного этнографа И. В. Ильиной, термин «еретник» использовался в связи с негативным осмыслением христианской церковью деятельности знахарей [3]. В негативном смысле употреблялась и лексема *koldun/kolduna* 'колдун' (ливв., тхв) [ПМА], [13, 125] (> русс. *колдун 'заклинатель'). Если знахарь был бессилен перед какой-либо болезнью и не мог помочь больному, то, например, ребольские карелы (Муезерский район) обращались за помощью к колдуну. По их мнению, колдун – более важное лицо, чем знахарь, так как он имеет связь с нечистой силой [7, 50]. Со значением 'порчельник' среди собственно-карел использовалось и наименование *pahoittajat* (букв.: делающие плохое) (от глагола *pahoittaa* 'делать плохое, приносить зло', форма первого активного причастия) [11, 289], которое является синонимом существительных *koldun/kolduna*, *jeretniekkal/jeretniekku*.

Тихвинские карелы-старообрядцы в своей общине еще в 1920-е гг. выделяли три половозрастные группы: *vierolaset* 'верующие', *nožonat* 'ножонат' и *mirskoi* 'мирские'. *Vierolaset* объединяли в себе две максимально выраженные с позиции старообрядчества, а также пола и возраста категории лиц – детей и стариков. В их числе в зависимости от религиозных и социальных функций выделялись по крайней мере четыре «общности», как формальные, так и неформальные: *kniznikkat* 'книжницы', *jumalankumardel'ijat* 'богомолки', *t'iedajat* 'знающие', *pakkuaja* 'нищие Христа ради' и др. Вне общины стояли *kolduna* 'колдуны', владельцы чертей, в буквальном смысле люди вне Бога и без креста [13, 125].

Репутация ведунов/знахарей/колдунов приписывалась карелами также людям определенных профессий: кузнецам, пастухам. В качестве лекарей осмыслились и всевозможные распорядители семейно-

родовых обрядов: бабки-повитухи, причитальщицы, патьвашки.

В карельских деревнях происходило деление ведунов на две основные группы: *hyvät tiedoiniekat* 'хорошие, делающие добро ведуны' и *pahat tiedoiniekat* 'плохие, злые, наносящие вред ведуны' [11, 289]. Данную теорию подтверждают и полевые материалы, собранные автором в Калевальском, Олонецком, Пряжинском, Суоярвском районах и Костомукшском городском округе Республики Карелия. При опросе информанты характеризовали лекарей следующим образом (стиль высказываний сохранен. – Т. П.):

«В основном – хорошие знахари были. Были и колдуны, которые наговаривали на кого-нибудь, но к концу жизни все плохое, что они делали, им и возвращалось» (д. Войница, Калевальский район);

«Хорошие знахари были и плохие. Хорошие всегда применяли свои способности только в благих целях, а плохие могли принести вред человеку» (п. Калевала, Калевальский район);

«Ei ole hyvijä ta pahoja. Vois olla, jotta ihmini itse oli viärä, eika tietäjä». 'Нет плохих и хороших. Может быть, человек сам был виноват, а не знахарь' (п. Калевала, Калевальский район) (здесь и далее перевод наш. – Т. П.);

«Хорошие знахари могли избавить от порчи, сглаза... Плохие – вплоть до смерти (могильный камень под порог клали, в выпечку – землицы могильной)» (д. Толлорека, Костомукшский городской округ);

«Его называли *tiedoiniekku*, se voi olla kahteh luaduh. Нуõ voidih luadie hyväh puolehpäi, dai pahah puolehpäi. Если häi ollou ristikakanzan piäle suutuksis libo midätahto tahtou pahua luadie, häi voi istuo, kolduija... *koldovšiekat ollah*». 'Его называли знахарь, он мог быть двух видов. Они могли делать хорошее, да и плохое. Если же он рассердится на человека или захочет плохое сделать, он может сидеть, колдовать... колдовщики они' (с. Видлица, Олонецкий район);

«Ну вот, которые хорошие, их называют *tiedoiniekku*, а *koldovšiekat* могли и

плохого сделать. Tiedoiniekat, они лечить могли, к ним за помощью ходили, а они лечили» (д. Гавриловка, Олонецкий район);

«Johor – tiedoiniekku, paimoi, hyvä starikku oli ‘Егор – знахарь, пастух, хороший старик был’. У хороших знахарей человек быстро поправлялся, а у плохих заговор не действовал» (д. Кинерма, д. Матчезеро, Олонецкий район);

«Хорошие знахари помогали, а плохие – вредили» (д. Тукса, Олонецкий район);

«К хорошим обращались, когда хотели вылечить какую-нибудь болезнь, а к плохим – когда желали навести на кого-либо порчу» (с. Михайловское, Пряжинский район);

«Хорошие знахари делали добро. Плохие использовали для лечения темные силы» (п. Поросозеро, Суоярвский район);

«Были, так называемые, белые и черные знахари. Белые, то есть безвредные, а плохие, черные, могли причинить вред» (д. Вехкусельга, Суоярвский район).

Знахарями, как правило, были простые крестьяне – хорошие психологи, обладающие даром внушения, прекрасной памятью и наблюдательностью [4, 146; 16, 184].

Карелы Архангельской губернии подразделяли знахарей на три группы:

шарлатаны, которые в сущности ничего не знают, но устраивают свое материальное благополучие на невежественном доверии пациентов;

лица, которые лечат больных каким-либо средством из народной медицины, одновременно усиливая его действие внушением;

лица, которые воздействуют на больных исключительно внушением.

Независимо от принадлежности к той или иной группе знахари не брались за лечение человеческого организма в целом, а избирали какую-либо «узкую» специальность и занимались только ею: одни – лечением полости рта и зева, другие – ран и остановкой кровотечения, третьи – нервных и душевных болезней и т. д. [8, 24].

В отечественной этнографии считается, что классификация магических специалистов должна исходить из эмоциональной оценки их деятельности только по черно-белой шкале «добра» и «зла». Русские этнологи на вопрос, кто был способен творить «добро» и «зло», замечают, что «колдуны» за хорошее вознаграждение могли сотворить и доброе дело [5, 279–280]. По данным полевых экспедиций, собранным исследователем-фольклористом В. П. Мироновой, карельская традиция особо не выделяла знахарей, занимающихся «белой» и «черной» магией. В основном владеющие знаниями люди направляли свою силу на избавление от недуга, а не на его нанесение [6, 109]. Вопреки этому другая исследовательница, М. А. Титова, отмечает, что всех знатоков знахарского искусства в карельских деревнях делили на «плохих» и «хороших» [11, 289].

Об известных знахарях в деревнях говорили с явным уважением, что свидетельствует об их высоком нравственном статусе. По сути, роль «знающих», их место в общине были приближены к роли «богомолок». Запреты, существовавшие у тех и других, были направлены на максимально полное осуществление ритуальных функций (например, лечить грыжу натошак; заговаривать воду, соль в полном одиночестве и т. д.) [13, 136]. Собственно говоря, карельские колдуны, несмотря на специализацию по разным профилям колдовской практики, ни по своему образу жизни, ни по социальному положению не отличались от основной массы населения карельской деревни. Они были такими же крестьянами, как все, и если занимались рыболовством и охотой, то обычно лишь как дополнительным промыслом. Занятия колдовством они тоже не превращали в профессию. Более того, известными колдунами были люди уже зрелые, часто пожилые, накопившие значительный жизненный опыт, глубоко усвоившие унаследованную от предшествующих поколений массу наблюдений над явлени-

ями природы и человеческой психикой. Многие из них, несомненно, обладали также даром внушения. Их личное мировоззрение складывалось под влиянием традиционных народных представлений о природе и человеческом обществе, о жизни и смерти, о взаимоотношениях между людьми [10, 96].

Начиная с XIX в. медицинская практика знахарей вызывала постоянную и часто резкую критику врачей. Действительно, известны многочисленные случаи, когда попытки лечения заболеваний магическими приемами приводили к трагическому исходу. Однако, оценивая деятельность такого рода врачевателей, надо учесть и те позитивные моменты, которые способствовали сохранению института знахарства до наших дней. Хорошо зная характеры, психологию своих соседей, они, воздействуя на психику, пользуясь внушением и гипнозом, нередко помогали больным избавиться от их недугов. При безраздельной вере больного и окружающих в действенность традиционного лечения и могущество знахаря магические обряды вызвали значительный психотерапевтический эффект, который уже сам по себе мог оказывать положительное лечебное действие. К тому же в магический обряд лечения включались средства, вполне оправданные, целебные свойства которых были выявлены в процессе многовековых наблюдений над природой и повседневной практической деятельности по ее освоению. Кроме того, знахарям лучше, чем кому-либо из деревенского населения, были известны эти средства и методы лечения.

Э. Лённрот указывает на то, что существует три объяснения возникновения всевозможных рассказов о знахарях:

1) кто-то разыгрывает знахаря, притворяясь больным и позволяя ему «исцелить» себя, тем самым укрепляя в нем веру в свои вещие слова;

2) кто-то на самом деле, будучи больным, прибегает к помощи знахаря, а потом поправляется (этому есть немало подтверждений);

3) знахари сами сочиняют рассказы о себе, рассказывают их людям, чтобы привлечь к себе внимание [14, 31–32].

В настоящее время вера в реальное существование знахарей, колдунов как особых представителей сверхъестественного начала в человеческом обществе исчезает. Рассказы о них бытуют на уровне преданий, причем наиболее грамотная часть пожилого населения обязательно старается дать критическую характеристику верований и представлений, связанных с колдовством. В то же время значительно повысился интерес к личности и медицинской практике знахарей, костоправов, травниц, среди которых имеются яркие представители народной медицины. На сегодняшний день они являются основными носителями традиционной медицинской культуры, хранителями знаний о народных средствах и методах лечения [3, 71].

Итак, собранный полевой материал и выявленные из различных источников представления о народных целителях указывают на некоторые локальные различия, которые касаются в первую очередь терминологии. Самые четкие противопоставления между знахарем и колдуном характерны для тихвинских карел, в верованиях и лексике которых наиболее ощутимо влияние русского населения, а также старообрядческих традиций.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- вепс.* – вепсский язык;
ливв. – ливвиковское наречие карельского языка;
люд. – людиковское наречие карельского языка;
ПМА – полевой материал автора;
русс. – русский язык;
ск. – собственно-карельское наречие карельского языка;
твр – тверской говор собственно-карельского наречия карельского языка;
тихв – тихвинский говор собственно-карельского наречия карельского языка.

Поступила 27.02.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. *Винокурова, И. Ю.* Мифология вепсов : энциклопедия / И. Ю. Винокурова. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2015. – 524 с.
2. *Зайков, П. М.* Грамматика карельского языка : фонетика и морфология / П. М. Зайков. – Петрозаводск : Периодика, 1999. – 120 с.
3. *Ильина, И. В.* Народные врачеватели коми // Традиционное и современное в культуре сельского населения Коми АССР. – Сыктывкар, 1986. – С. 71–78. – (Труды НИИЯЛИ Коми филиала АНССР. – Вып. 37).
4. *Карелы* Карельской АССР. – Петрозаводск : Карелия, 1983. – 288 с.
5. *Логинов, К. К.* Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья : обряды, обычаи и конфликты / К. К. Логинов. – Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. – 424 с.
6. *Миронова, В. П.* Фольклорные традиции Ведлозерья / В. П. Миронова. – Петрозаводск : Verso, 2013. – 414 с.
7. *Повенецкие карелы.* Их домашний и общественный быт, поверья и предания // Олонекские губернские ведомости. – 1863. – № 14. – С. 50.
8. *Постников, В.* Знахарство, виды его и борьба с ним в Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1919. – № 5. – С. 23–32.
9. *Словарь* карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. – Петрозаводск : Карелия, 1990. – 495 с.
10. *Сурхаско, Ю. Ю.* Карельские колдуны // Учащимся о религии и атеизме / под ред. М. П. Яковлевой. – Петрозаводск, 1989. – С. 93–101.
11. *Титова, М. А.* Карельский ведун «tiedoiniékku» : социально-психологический портрет (на южно-карельском материале) // Бубриховские чтения : Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии : сб. науч. ст. / под ред. П. М. Зайкова, Т. И. Старшовой. – Петрозаводск, 2005. – С. 288–297.
12. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 2 / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева ; под ред. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стер. – Москва : Прогресс, 1986. – 672 с.
13. *Фишман, О.* «Отче» и колдуны : образы жизни карельской старообрядческой общины // Обряды и верования народов Карелии. – Петрозаводск, 1994. – С. 132–143.
14. *Elias Lönnrotin matkat.* 1. osa. – Helsinki : SKS, 1902. – 428 s.
15. *Karjalan kielen sanakirja.* – Helsinki : Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 1968. – XVI, I. – 576 s.
16. *Pahomov, M.* Kuujärven lyydiläistekstejä / M. Pahomov. – Helsinki : SUS, 2011. – 233 s.
1. *Vinokurova, I. Yu.* (2015), Mythology of the Veps: Encyclopedia, Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Press.
2. *Zaykov, P. M.* (1999), Grammar of the Karelian language: phonology and morphology, Petrozavodsk: Periodicals.
3. *Ilyin, I. V.* (1986), Folk Komi healers, Traditional and contemporary in the culture of the rural population in the Komi Republic, Proceedings of NIYALI Komi branch ANSSR, Vol. 37, Syktyvkar, p. 71–78.
4. *Karelians of Karelian ASSR* (1983), Petrozavodsk: Karelia.
5. *Loginov, K. K.* (2010), Traditional lifecycle of the Russians of Vodlozerie: rituals, customs and conflicts, Moscow: Russian Foundation for Education and Science.
6. *Mironov, V. P.* (2013), Folk traditions of Vodlozerie, Petrozavodsk: Verso.
7. *Olonets Provincial Bulletin* (1863), Povenets Karelians. Their home and public life, beliefs and traditions, 14, p. 50.
8. *Postnikov, V.* (1919), Sorcery, its types and the fight against it in the Arkhangelsk region, Newsletter of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North, 5, p. 23–32.
9. *Makarov, G. N.*, ed. (1990), Dictionary of the Karelian language (Livvik dialect), Petrozavodsk: Karelia.
10. *Surhasko, Yu. Yu.* (1989), Karelian sorcerers, For students about religion and atheism, in M. P. Yakovleva (ed.), Petrozavodsk, p. 93–101.
11. *Titova, M. A.* (2005), Karelian sorcerer «tiedoiniékku»: social and psychological portrait (based on the South Karelian material), Proceedings of Bubrihovskie Conference, Problems of research and teaching of Baltic and Finnish Philology, in Zaykova, P. M., Starshova, T. I., eds. Petrozavodsk, p. 288–297.
12. *Fasmer, M.* (1986), Etymology dictionary of the Russian language, Vol. 2, Second edition, Moscow: Progress.
13. *Fishman, O.* (1994), “Father” and wizards: lifestyles Karelian community of Old Believers, Rites and beliefs of the peoples of Karelia, Petrozavodsk, p. 132–143.
14. *Elias Lönnrotin matkat* (1902), 1. Os, Helsinki: SKS.
15. *Karjalan kielen sanakirja* (1968), XVI, I, Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae.
16. *Pahomov, M.* (2011), Kuujärven lyydiläistekstejä, Helsinki: SUS.